

ПУШКИН И БЛОК

В. ГОЛИЦЫНА

Творчество А. Блока — это и определенный итог развития классической русской поэзии и открытие новых путей. Поэтическое мастерство, обостренное чувство родины, боль за униженный народ, страстное отрицание буржуазной «цивилизации» — все это определяет место Блока в ряду лучших русских поэтов.

Поэт «беспощадной искренности», Блок сумел передать в своей поэтической исповеди трагедию человека в «страшном мире», издевавшего: «И отвращение от жизни», «И к ней безумную любовь», «И страсть и ненависть к отчизне».

В то же время творчество Блока — путь мучительных, но постоянных поисков большой правды искусства, которая позволит: «Все сущее — вочеловечить, несбывшееся — воплотить».

И на этом пути творческих исканий Блок постоянно обращается к своим великим предшественникам.

Тема Пушкин и Блок огромна, возможно, неисчерпаема в своей глубине, она не может быть сведена ни к тематической, ни к формальной традиции.

Естественно, что в рамках одной статьи невозможно коснуться всех сторон темы.

Некоторые вопросы творческих связей двух великих поэтов нашли уже, если не полное, то существенное освещение в критике. Много сказано о творческом решении Блоком традиционных тем: Петербург, Медный всадник и др.¹

Интересные мысли и наблюдения о традиции жанра в творчестве А. Блока мы встречаем в работах Б. Томашевского и С. Бонди.²

¹ См. работы Л. Гроссмана «Блок и Пушкин», Л. Гроссман, Собр. сочинений, т. IV, М, 1928, И. Розанова, «Блок и Пушкин», Книга и пролетарская революция, 1936, № 7.

² Б. Томашевский, «Поэтическое наследие Пушкина». С. Бонди, «Драматургия Пушкина и русская драматургия XIX в.» В книге «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». Изд. АН СССР, М.—Л. 1941.

В данной работе делается попытка осмыслить в некоторых общих чертах характер влияния Пушкина на Блока, его поэзию и эстетические взгляды.

I.

Не будет преувеличением сказать, что «хранимое с малолетства веселое имя» Пушкина Блок пронес через всю жизнь.

Многие исследователи считают, что в раннем творчестве Блока непосредственного влияния пушкинской традиции не ощущается (см. уже названные работы Гроссмана, Розанова). В. Орлов в своей интересной книге о Блоке пишет, имея в виду ранние стихи поэта: «В этой узкой по своему тематическому диапазону пейзажной и психологической лирике нашли продолжение традиции русской поэтической классики XIX века. Однако Блок усваивал эти традиции не столько из первоисточника — скажем, не у Пушкина и не у Лермонтова, сколько у так называемых «чистых поэтов» второй половины XIX века».³

Применительно к стихам 1897—1900 г.г. этот вывод кажется необоснованным.

Как всякий начинающий поэт, Блок учился у своих предшественников. Читая лирику ранней поры, испытываешь порою чувство «знакомости», как будто поэт вышивает узоры своих чувств по уже готовой канве. Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Фет, Полонский, Тютчев — вот неполный перечень его учителей.

Блока отделяет от Пушкина более полувека, и трудно бывает определить, по прямой ли линии или опосредственно, через творчество поэтов II-й половины XIX века, усваивает Блок пушкинскую традицию. И все-таки будет большой натяжкой утверждать, что он воспринял ее только через творчество Фета, Полонского и др. Некоторые биографические сведения дают основания сказать, что в ранней юности Пушкин был для Блока наиболее любимым из русских поэтов. М. А. Бекетова в книге «Блок и его мать» приводит анкету «Признания», заполненную семнадцатилетним Блоком. Для нас особенно интересны в ней два ответа:

Мои любимые писатели — прозаики . . .

Гоголь, Пушкин.

Мои любимые поэты — русские . . .

Пушкин, Гоголь, Жуковский.⁴

Сопоставление ряда стихов раннего Блока с произведениями Пушкина дает право говорить о непосредственном и весьма ощутимом влиянии последнего на юношеское творчество Бло-

³ Вл. Орлов, «Александр Блок», М. 1956, стр. 34.

⁴ А. М. Бекетова, «Александр Блок и его мать», Л.—М., 1925, стр. 68.

ка. Характер творческого проявления этих влияний разнообразен. Иногда это пушкинские строки, взятые в эпиграф, например: стихотворению 1898 года «Есть в дикой роще у оврага» предпосланы пушкинские строки из «Онегина»:

Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил

Стихотворение того же года «Табор шел. Вверху сияли звезды» имеет эпиграфом стихи из «Цыган»:

Цыгане шумною толпою
По Бессарабии кочуют

Пушкинский эпиграф и в стихотворении «А. М. Добролюбову».

Чаще эта переключка с Пушкиным принимает у раннего Блока форму вариаций на те или иные близкие ему по настроению или мысли мотивы творчества великого поэта. К такого типа произведениям можно отнести стихотворения: «Мэри», с подзаголовком «Пир во время чумы», «Счастливая пора, дни юности мятежной». «Как мимолетна тень осенних ранних дней» и др.

Чувствуется пушкинское начало и в любовной лирике этих лет, особенно в таких стихах Блока, как: «Когда отдамся чувствам страстным», «Где ты паришь теперь, о, девственная тень», «Ты хочешь знать мировоззренье», «Писать ли вам, что тайный пламень».

Здесь не только пушкинская ясность выражения чувств, земная их страстность, так отличающая их от стихов о прекрасной Даме, но и традиционная, любимая Пушкиным, форма любовного послания, знакомые нам рифмы «Младость — радость — сладость», привычно пушкинские обороты «младая тень», «мятежная юность», «светлая грусть», «тайный пламень». Да и в самом звучании стиха, в его ритмической организации (тяготение к четырехстопному ямбу) это сходство несомненно.

Вот одно из стихотворений 1900 г., обращенное к К. М. Садовской:⁵

Когда отдамся чувствам страстным,
Меня влечёт на знойный юг
Слагать стихи к ногам прекрасным
Твоим, далекий, нежный друг...
Забвенью вечному, быть может,
Ты все бывшее предала,
И страстный вздох не потревожит
Давно спокойного чела ..

.

⁵ Впервые было напечатано в «Новом мире», 1955, № 11.

Неслучайно, вероятно, посылая в 1906 году С. А. Венгерову список стихов Пушкина, которые он бы хотел прокомментировать, Блок включил в него такие как: «Слово Милой», «Письмо к Лиде», «К***», «Не спрашивай зачем».⁶

Установить некоторое формальное сходство (изобразительных средств, образов и т. п.) еще не значит определить степень полноты или ограниченности творческой близости. Но есть такие точки соприкосновения, в которых с наибольшей полнотой проявляется сходство и различие в поэтическом мировосприятии. Такой точкой может быть, например, тема, которую условно называют темой «Поэта и поэзии».

Творческая интерпретация Блоком пушкинской традиции в решении этой темы многое помогает понять и в отношении Блока к Пушкину, и в эволюции его творчества в целом.

Изолированность молодого Блока от общественной жизни, влияние на его мировоззрение идеалистической философии В. Соловьева определили и его взгляды на искусство. Позже, характеризуя свое настроение 90-х — начала 900-х г.г., Блок писал: «В это время происходило «политическое»... я был ему вполне чужд, что выразилось в стихах». Действительно, это выразилось в стихах, и шире — в его эстетической концепции:

Затянут в бездну гибели сердечной,
Я — равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит — я хладен бесконечно,
Толпа зовет — я нем и недвижим.

Сейчас для Блока искусство и «проза жизни» — понятия взаимоисключающие друг друга. Поэтому поэт — жрец, в одиночестве свершающий свое таинство. С этих позиций принимает в эти годы Блок и Пушкина, что приводит к очень одностороннему, обедненному восприятию пушкинских эстетических принципов. Девизом молодого Блока становятся строки: «Служенье муз не терпит суеты».

Эта тема варьируется в десятках его ранних стихотворений: «Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет», «Поэт, тебе ли покарать», «Не доверяй своих дорог», «Отрешись от любимых творений» и др. В некоторых из них чувствуется прямая переключка с Пушкиным. Так, например, стихотворение Блока 1900 года «Не доверяй своих дорог»... можно считать вариацией на тему пушкинского «Поэту». Здесь не только общность мысли, но и сходство ее поэтического выражения.

⁶ См. Дымщиц А. А. Александр Блок в работе над Пушкиным. Лит. Архив, АН СССР, Л., 1938, стр. 352—353.

Достаточно обратить внимание на начальные строки 2-х четверостиший, которые и у Пушкина и у Блока — ключевые.

Пушкин

Блок

Поэт! Не дорожи любовью
народной,
Восторженных похвал пройдет
минутный шум

Не доверяй своих дорог
Толпе ласкателей несметной:

Ты — царь. Живи один. Дорогою
свободной
Иди, куда влечет тебя свободный
ум.

Все, духом сильные, — одни
Толпы нестройной убегают,

Сближает эти стихотворения и образ оскверненного толпою храма. Параллель пушкинским строкам: «И плюют на алтарь, где твой огонь горел...», у Блока: «Они погасят твой чертог, Разрушат жертвенник заветный».

Интересно стихотворение 1899 года «Какой-то вышний Серафим». Сходство темы, ведущих образов (поэт, Серафим, пустыня), размера дают право говорить о его связи с пушкинским «Пророком, но решение темы здесь иное. Понятно, что идейная концепция «Пророка» («глаголом жги сердца людей») в это время не приемлема для Блока, который в 1899 году писал:

Поэт, тебе ли покарать
Пороки мира вековые?
Один — ты осужден страдать,
Тебя осмеивать — другие!

Если измученный «духовной жаждою» и одиночеством поэт Пушкина обретает мужество, превращается в пророка, то лирический герой блоковского стихотворения, которому Серафим дал познать добро и зло жизни, остается одиноким и бессильным.

Какой-то вышний серафим
Принес мне чудных звуков море.
Когда я был везде гоним, —
Я шел к нему — поведать горе;
А он речам моим внимал,
Моим словам он верил страстно,
И этим мне познать давал,
Что в мире зло и что прекрасно.
Моя душа жила тогда, —
Тогда я молод был, — а ныне
Годов умчалась череда, —
Повсюду мертвая пустыня...

(сентябрь 1899)

Разность смысловая обуславливает и различие эмоциональной окраски стихов: напряженную страстность, приподнятость интонаций у Пушкина и элегическую расслабленность у Блока.

Итак, пушкинское противопоставление поэта светской черни Блок в соответствии со своими эстетическими взглядами доводит до противопоставления поэта земной жизни вообще, до «Отрекись от любимых творений, от людей и общения в миру».

Эта концепция лежит в основе посвященного Пушкину стихотворения, написанного 26 мая 1899 года:

«Люблю я вечер. День на тризне...»

Если в 1-й части этого стихотворения еще чувствуется что-то пушкинское в оборотах речи, движении стиха, то вторая его часть ни по смыслу, ни по форме никак с пушкинским не соотносится.

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в предверьи Идеала
Туманным факелом моим.
И только вечер — до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю Поэзии огнем.

И хотя стихотворение было посвящено Пушкину, поэтическое средо, выраженное в нем, не сближает, а уводит Блока от Пушкина.⁷ Здесь уже в содержании и в символах предчувствуется Блок «Стихов о Прекрасной Даме».

Но даже в период наибольшего увлечения символизмом и мистикой Пушкин не уходит из жизни и круга литературных интересов Блока. В 1901 году в письме к А. В. Гиппиусу он пишет: «Заглянув в Пушкина, нашел там отрывок «Юдифь» необыкновенный»,⁸ а в год выхода в свет сборника стихов о «Прекрасной Даме» поэт помечает в записной книжке: «Учу стихи наизусть: Пушкина, Брюсова, Лермонтова, все, что хорошо».⁹

Имя Пушкина, строчки из его стихов постоянно встречаются в эти годы в статьях, рецензиях, письмах.¹⁰

Как известно, интерес к Пушкину был свойственен и другим поэтам-символистам: Брюсову, Мережковскому, Бальмонту и др. Брюсов писал в 1904 году: «У нас всегда остается общим восторг

⁷ Вероятно, Блок сам почувствовал это несоответствие, снял посвящение и 2-ю часть стихотворения печатал как самостоятельное произведение.

⁸ А. Блок, Сочинения в 2 т., т. 2, стр. 577.

⁹ А. Блок, Записные книжки, Л., 1910, стр. 36.

¹⁰ А. Блок, «Герои Овидия» (1903), «Валерий Брюсов Urbi et orbi», «К. Бальмонт, Горные вершины», (1904), «К. Бальмонт, Сборник стихов» (1905) и др. (А. Блок, Собр. соч. в 8 т., т. V.)

и преклонение перед божественной поэзией Пушкина, перед ее чистыми красками и чистыми звуками».¹¹

Но, как пишет Д. Е. Максимов, «... по своему мировоззрению и мироощущению Брюсов был бесконечно далек от Пушкина, и подлинного сближения с ним, даже чисто стилистического у него получиться не могло».¹² Тоже можно сказать и о Блоке начала 900-х годов. «Божественная поэзия» Пушкина для Блока — высший критерий мастерства, но как порою Брюсов и Мережковский, Блок за внешней ясностью и простотой поэзии Пушкина пытается провидеть некую таинственность. Не случайно в рецензии на книгу Мережковского «Вечные спутники. Пушкин» (1906) Блок восхищает характеристикой, которую дает Мережковский Онегину и Татьяне. Мережковский говорит о «страшной идее «Медного всадника», о «чужом, нерусском туманном признаке» — Онегине, о «загадочной, темной и глубокой как русская сказка», Татьяне».¹³

В статье «Творчество Вячеслава Иванова» Блок, развивая мысль о том, что отход символистов от реальной жизни был необходим и закономерен, тоже пытается вести начало этой традиции от Пушкина: «У нас еще Пушкин проронил: «*Procul este profani*» (Уйдите, непосвященные). Лермонтов роптал. Тютчев совсем умолк для толпы... Наступило безмолвие, «страдание отъединенности».¹⁴ Правда, Блок и тогда не считал такое разделение «поэта» и «толпы» извечным, но будущее соединение души поэта с народной представлялось ему очень смутно, не через возвращение к изображению конкретной жизни, а через погружение «в стихию фольклора», где «поэт» и «чернь» вновь познают друг друга.

В то же время, по мере того как Блока все больше и больше начинает раздражать абстрактность, бесплотность, туманность современной поэзии и, наоборот, притягивать «мир с его золотой тяжелой кровью и истерзанной в пытках плотью»,¹⁵ он все чаще обращается к Пушкину. В 1905 году в статье «Краски и слова» Блок призывает современных поэтов учиться у художников, так как «искусство красок и линий позволяет всегда помнить о близости к реальной природе и никогда не дает погрузиться в схему, откуда нет сил выбраться писателю... Чувствовал же какую-то освободительность рисунка, например, Пушкин, когда

¹¹ Д. Максимов, «Валерий Брюсов», в кн. В. Брюсов, стихотворения, библиотека поэта, Л, 1957, стр. 20.

¹² Там же.

¹³ А. Блок, т. V, стр. 636.

¹⁴ Там же, стр. 9.

¹⁵ См. А. Блок, «Эмиль Верхарн. Стихи о современности», 1906, т. V.

рисовал не однажды какой-то пленительный женский профиль. А ведь он не учился рисовать. Но он был ребенок».¹⁶

В 1906 году Блок работает над составлением комментариев к лицейским стихам Пушкина, где обычные сведения об изданиях и вариантах сочетаются с интересными наблюдениями над стилем стихов Пушкина.¹⁷

Можно предположить, что в 1906 году Блок не только размышляет над особенностями поэтического мастерства Пушкина, но уже задумывается над такими важными проблемами, как своеобразие усвоения пушкинской традиции в современный «промышленный век».¹⁸

II.

Годы между двух революций — период все возрастающей поэтической зрелости А. Блока. Круг мистического одиночества разорван, поэт выходит в жизнь, и как бы ни была она страшна, он уже не может вернуться в «красивые уюты».

В 1910 году он записывает: «Все растущее искушение не быть один. Что делать и как жить дальше? Все еще не знаю, но уверенность в своей правоте крепнет».¹⁹

Вопрос «Что делать?» для Блока мучителен, мир «буржуазного богатства, растущего незримо зла» он ненавидит, принять его — не может. Ум и чувства лирического героя полны смятения. Ненависть, любовь, отчаяние; желание забыться и сознание невозможности забвения — сложный комплекс чувств, проявленный так многообразно поэтически и создавший то единство творческой атмосферы, которое можно определить как трагическое неприятие. Именно трагическое, ибо, как считал Блок, в трагедии «нет отчаяния, вялости, опускания рук». В этом волевым начале — возможность преодоления трагизма.

Испепеляющие годы!

Безумье ль в вас, надежды ль весть?

Надежды весть! Этот мотив, прорываясь сквозь мрак и «роковую пустоту», обретает в творчестве зрелого Блока все большую полноту звучания. Родина, народ становятся источником крепнущей веры поэта.

Этот творческий процесс сопровождается общей переоценкой ценностей. И прежде всего это коснулось его взглядов на отношение искусства к жизни. Через статьи, письма, заметки А. Бло-

¹⁶ А. Блок, т. V, стр. 20—22.

¹⁷ С. Гессен «Комментарии А. Блока к стихотворениям Пушкина», Временник пушкинской комиссии. АН СССР, 1936.

¹⁸ А. Блок, «Валерий Брюсов», Венок, Собр. соч., т. V, стр. 616.

¹⁹ А. Блок, Записные книжки, Л, 1930, стр. 144.

ка (1907—1917 г.г.) лейтмотивом проходит мысль об ответственности писателя перед народом, мысль о жизненной пользе искусства.²⁰

«Перед русским художником, — писал А. Блок в 1907 году, — вновь стоит неотступно этот вопрос пользы. Поставлен он не нами, а русской общественностью, в ряды которой возвращаются постепенно писатели всех лагерей».²¹

Процесс пересмотра творческих позиций происходил у Блока не только в ожесточенной полемике с декадентским окружением, но и с самим собою. И поддержку в этой борьбе Блок ищет и находит в творчестве русских классиков. Серьезнее и глубже решает теперь Блок проблему традиции. Над этим он много размышляет, например, в статье 1908 года «Вопросы, вопросы и вопросы». Он пишет: «...откройте сейчас любую страницу истории нашей литературы XIX столетия, будь то страница из Гоголя, Лермонтова, Толстого, Тургенева, страница Чернышевского и Добролюбова... — и все вам покажется интересным, насущным и животрепещущим; потому, что нет сейчас, положительно нет ни одного вопроса среди вопросов, поднятых великой русской литературой прошлого века, которым не горели бы мы».²² По-новому следуя традициям, Блок уже в это время преодолевает недавно-близкое ему противопоставление Мережковским Пушкина шестидесятникам, которых он называл «демократическим варварством».²³ Не будем сейчас говорить о сложности отношения Блока к революционерам-демократам, для понимания нашей темы интересно то, что в 1908 году Блок уже рядом с Пушкиным ставит и Чернышевского и Добролюбова и Белинского: «...мы любим русскую литературу, мы не отдадим уже никогда более ни Пушкина, ни Глеба Успенского; вот мы проявили всю эту великую любовь и великую готовность быть верными священным заветам великих теней прошлого; точно так же, как мы сейчас, в 1908 году, в Петербурге, от мокрых сумерек до беззвездной ночи горели огнем бескорыстной любви и бескорыстного гнева, — точно так же горели этим огнем в том же Петербурге... в сороковых годах — Герцен и Белинский, в пятидесятых Чернышевский и Добролюбов».²⁴

Если в начале творчества Блоку всего важнее было в Пушкине «Служение муз не терпит суеты», то теперь для него особенно значима народность Пушкина, его гражданственность. «Пушкин и Лермонтов» — слышим мы все сознательнее...

²⁰ См. статьи «Генрик Ибсен», «Вечера искусств», «Три вопроса», «О театре», «Вопросы, вопросы и вопросы» и др., А. Блок, Собр. соч., т. V.

²¹ А. Блок, Собр. соч., т. V, стр. 237.

²² А. Блок, Собр. соч., т. V, стр. 335.

²³ См. работу Д. Мережковского «Вечные спутники».

²⁴ А. Блок, Собр. соч., т. V, стр. 335.

Два магических слова — «собственные имена» русской истории и народа русского». ²⁵

В статье 1908 года «Вечера искусства» Блок противопоставляет гражданственность поэзии Пушкина и Лермонтова современным поэтам: «Нечего и говорить о том, почему был прав Достоевский, когда с эстрады «жег сердца людей» «Пророками» Пушкина и Лермонтова... стихи же любого из новых поэтов читать не нужно и почти всегда — вредно, вредно потому, ... что нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного». ²⁶

Пушкин помогает Блоку утвердиться на новых позициях и, одновременно, в процессе изживания декадентских представлений об искусстве, обогащается восприятие Блоком Пушкина.

В письме к Розанову в 1909 году поэт писал: «Нам завещана в фрагментах русской литературы от Пушкина и Гоголя до Толстого, во вздохах измученных русских общественных деятелей XIX века, в светлых и неподкупных, лишь временно помутившихся взорах русских мужиков-огромная... концепция живой могучей и юной России...»

И если же такая Россия «мужает», то, уж конечно, — только в сердце русской революции в самом широком смысле, включая сюда русскую литературу». ²⁷

В этот период происходит новое переименование Блока с Пушкиным в каких-то общих, но очень существенных сторонах их творчества. По-пушкински (в общем звучании, а не в конкретном проявлении) решается теперь традиционная тема поэта и «черни». Поэт у Блока не противостоит жизни и тем более народу, он ненавидит и презирает «чернь», тех «кто так унижал мой народ и меня». Позже в речи о Пушкине Блок скажет: «Пушкин разумел под именем черни приблизительно то же, что и мы. Он часто присоединял к этому существительному эпитет «светский». ²⁸

Снова и снова обращается Блок к произведениям великого поэта, открывая в них все новую прелесть и глубину.

К восторженному отзыву (1908 года) о «Евгении Онегине» — «Онегина целиком следует выучить наизусть», можно прибавить другой: «Люблю в «Онегине», чтобы сердце сжалось от крепкого права». ²⁹

Во время путешествия по Италии Блок перечитывает Пушкина. В одном из писем в июле 1909 года он писал: «Я давно уже читаю «Войну и мир» и перечитал почти всю прозу Пуш-

²⁵ А. Блок, «Педант о поэте», т. V, стр. 26.

²⁶ А. Блок, т. V, стр. 308.

²⁷ А. Блок, Соч. в 2-х т.т., М, 1955, т. 2, стр. 623.

²⁸ А. Блок, Соч. в 2-х тт., т. 2, стр. 351.

²⁹ А. Блок, Записные книжки, Л, 1930, стр. 159.

кина. Это существует».³⁰ Продолжает читать Пушкина Блок и вернувшись в Петербург: «Здесь уже второй день читаю ефронского Пушкина, особенно Ваши статьи о «Домике в Коломне» и «Медном всаднике»,³¹ писал поэт В. Брюсову 2-го октября 1909 года.

В 1910 году он записывает: «Медный всадник» — все мы в вибрациях его меди».³²

Блока восхищает глубина психологизма Пушкина, ясность изображения душевного движения. «Перед Пушкиным открыта вся душа — начало и конец душевного движения. Все до ужаса ясно, как линия на руке под микроскопом».³³ И это он замечает в то время, когда сам стремится к изображению человека во всей его полноте. В дневнике 30-го октября 1911 года Блок записывает: «Нам опять нужна вся душа, все житейское, весь человек. Нельзя цыганские сны, ими можно только сгорать. Безумно люблю жизнь, с каждым днем больше, все житейское простое и сложное».³⁴ И рядом с «цыганскими снами» циклов «Снежная маска», «Кармен» появляются «Вольные мысли», «Мещанское житье», с необычной открытостью чувств и тяготением к конкретности, точности деталей. Эту тенденцию к реализму в творчестве Блока почувствовали современники. В марте 1913 года Блок записывает в дневнике: «Станиславский говорил всякое приятное, о моих стихах, обо мне. Говорил, что теперь я ближе к Пушкину, «потому, что не недоговариваю там где была потребность недосказывать у «декадентов — по отсутствию таланта».³⁵

Ширится диапазон творчества поэта. «И чем шире круг, — пишет Блок, — чем больше он захватывает, тем более творческой становится жизнь».³⁶ Блок достигает в лирических жанрах замечательного мастерства, но только лирика уже не удовлетворяет его. Блок ищет новых форм, жанров, которые бы дали поэту возможность показать человека «с духом, душой и телом, с житейским». Поэт мечтает уже о социально-бытовой поэме «с фабулой». Жанр необычный не только для Блока, но и для символистской поэзии вообще. И в работе над поэмой «Возмездие» (1910—21 гг) Блок обращается к классической традиции и прежде всего к Пушкину. По замыслу, частично осуществленному, поэма должна была отразить жизнь России за 35 лет, отразить широко — как судьбу интеллигенции (история рода) и судьбу народную («просыпается и готов зашуметь народ»).

³⁰ А. Блок, Сочинения в 2-х т.т., 2 т., стр. 631.

³¹ А. Блок, т. 2, стр. 634.

³² А. Блок, Записные книжки, Л, 1930, стр. 138.

³³ А. Блок, Записные книжки, стр. 158.

³⁴ А. Блок, Сочинения в 2-х т.т., т. 2, стр. 422.

³⁵ А. Блок, Дневник, т. 1, Л, 1928, стр. 207.

³⁶ А. Блок, Дневник, т. I, стр. 210.

Блок назвал «Возмездие» своими «Rougon-Macquar'ами». Это сближение основано только на том, что и у Золя и у Блока в основе сюжета — история рода. По характеру же поэтического изображения жизни, жанру, образам и стиху «Возмездие» — звено в развитии классической русской поэзии. Влияние пушкинской традиции здесь несомненно, особенно «Евгения Онегина». Блок как бы подхватывает пушкинскую тему «лишних людей» и прослеживает их эволюцию на рубеже XIX и XX века. Порою поэт стилистически подчеркивает свои переключки с Пушкиным.

Теперь — за мной, читатель мой,
В столицу севера, большую,
На отдаленный финский брег...

или:

Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззрениях,
Но вежливость он соблюдал,
И дамам ручки целовал
Он без особого презрения.

(«Возмездие»)

Но как всегда у большого поэта, усвоение традиции — одновременно и ее преодоление. Такое усвоение традиции, обогащая, не стирает творческой оригинальности. И даже в поэме «Возмездие» (поэме близкой к Пушкину и стилистически) мы все время чувствуем специфически блоковское — в обостренно-трагическом ощущении жизни, в романтической концепции восприятия мира в его едином музыкальном звучании. (Отсюда три мазурки в поэме и 2-й лейтмотив — мерный шаг пехоты).

В отношении Блока к Пушкину замечательно то, что для него Пушкин не был застывшим в величии славы исполином, он был для Блока спутником жизни, глубоко чтимым и в то же время близким. С ним он советовался, у него находил близкие ему темы, настроения и мысли и с ним он творчески полемицировал. Пушкин помогал Блоку преодолевать мрак безверия. В статье «Интеллигенция и революция» Блок писал: «Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянии, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна».³⁷

Великий поэт действительно стал неотъемлемой частью жизни Блока, к нему он обращается не только в момент твор-

³⁷ А. Блок, Сочинения в 2-х т.т., т. 2, стр. 222.

ческих раздумий, но и в минуты большого душевного волнения, как обращаются к очень близкому человеку, чтобы пережить радость сопричастности общему чувству. Так, замороженный изображенным на папирусе лицом египтянки Блок, стремясь понять секрет ее волнующей прелести, мысленно обращается к Пушкину. «В овале щек есть что-то монгольское. едва ли не то, что заставляло Пушкина «забываться пылкою мечтой» в «кочевой кибитке» и мечтательно исчерчивать рукописи стихов профилями».³⁸

Этим чувством живой любви к Пушкину проникнуты два его последних произведения: стихотворение «Пушкинскому дому» и речь «О назначении поэта».

Стихотворение «Пушкинскому дому» написано Блоком 5 февраля 1921 года. Написано оно было для альбома Пушкинского дома. «Кто-то позвонил по телефону и сказал, что Пушкинский дом просит написать ему в альбом какие-нибудь строки о Пушкине. Я написал».³⁹

В черновом варианте стихотворение начиналось так:

Стены Пушкинского Дома
В Академии наук!

Такое начало не удовлетворило поэта и было изменено, вероятнее всего не удовлетворило его своей недушевленностью, холодностью. Думать, писать о Пушкине — значит писать и о себе. И вот появляется новое начало, давшее иной тон всему стихотворению. Уже с первых строк имя Пушкина зазвенело, зазвучало голосами жизни:

Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!
Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С переходом в далеке.

Оно оживает и в характерных приметах воспетого Пушкиным города:

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижимом скакуне.

³⁸ А. Блок, *т. V, стр. 398.

³⁹ А. Блок, Собр. соч., в 8 тт., т. III, стр. 638.

Примеры эти и конкретны (вместе со «звоном ледохода на торжественной реке», они дорисовывают картину Петербурга), но они и многозначны. Это — символы, узлы пересечения двойного ряда ассоциаций, связанные с творчеством двух поэтов. За ними «Медный всадник» и «Онегин», за ними «Туманный город», Россия — «Сфинкс» Блока.

Наметившаяся в этих строках, вернее в подтексте, близость в дальнейшем получает прямое поэтическое выражение.

Величественная монументальность предшествующих строк сменяется стихами большей экспрессии.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.
Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы знали,
А грядущие века.

Усиливающийся лиризм проявляется и в этих «мы», «нам» и в страстности выражения чувств.

Свое и пушкинское слилось неразделимо, и это так волнует, что говорить о Пушкине опосредованно уже нельзя, а нужно еще сказать о чем-то главном.

Из черновых вариантов видно, что Блок не сразу находит удовлетворившую его форму выражения. Сначала идут варианты «Вместе с Пушкиным», «Вслед за Пушкиным», но все это описательно, противоречит лирической взволнованности предшествующих строк. И, наконец, рождается строка:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы во след тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Здесь и волнующая простота обращения (живых к живому) и чувство глубокого уважения.

Становится ясным, что Пушкин не только знаком и понятен, он дорог сердцу, так как близок в самом живом, выстраданном. Он помогает жить, учит мужеству, поддерживает веру в радость грядущего. Теперь уже мало сказать «не пустой для сердца звук», и слово не пустой заменяется в завершающей части стиха другим, — выражающим высшую степень близости:

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского дома
В Академии наук.

Вот зачем в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

«Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийств, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними — это легкое имя: Пушкин. Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта нелегкая и невеселая: она — трагичная»,⁴⁰ — так начал Блок свое последнее, можно сказать предсмертное слово о Пушкине, речь, с которой он выступил в юбилейные дни февраля 1921 года.

Можно спорить с многими положениями и выводами Блока, но это не снимает глубины мысли и страстности чувства, придающих этому выступлению такой волнующий характер.

«На торжественном собрании в память Пушкина, — писали современники, — присутствовал весь литературный Петербург. . . Разно было всегда, и особенно в последние годы, отношение к Блоку, но то, что он сказал о Пушкине, и то, как он это сказал, -- с какой-то убежденной твердостью, — захватило всех, отразилось в слушателях не сразу осознанным волнением, вызвало долгие рукоплескания и возбудило долгие разговоры».⁴¹

Е то же время некоторые современники (и не только современники) восприняли эту речь как проповедь «чистого искусства». Думается, что такой вывод вульгаризирует мысли Блока.

В речи явно ощущается преувеличение имманентности искусства, усиленная в какой-то мере метафоричностью выражения («хаос», «безначальная стихия» и т. д.), однако высказанные в речи мысли о Пушкине и об отношении поэта к жизни вообще гораздо сложнее того первого тезиса Блока, который в отрыве от последующих рассуждений мог бы дать основания для столь упрощенного заключения.

«Первое дело, которое требует от поэта его служение, — говорит Блок в начале, — бросить заботы «суетного света». . . там можно в одиночестве собрать все силы и приобщиться к «родному хаосу».⁴² Этот тезис подкреплен ссылкой на стихотворение Пушкина «Поэту». Но значит ли это, что Блок видит в Пушкине поэта, ушедшего из жизни в мир искусства, и считает ли он вообще, что назначение поэта быть вне жизни? Весь ход рассуждений Блока опровергает такое предположение. Поэт живет жизнью всех («среди детей ничтожных мира,

⁴⁰ А. Блок, Сочинения в 2-х т. т., т. 2, стр. 347.

⁴¹ См. А. Блок, Сочинения, в 2-х тт., т. 2, стр. 762.

⁴² А. Блок, Сочинения в 2-х т.т., т. 12, стр. 348.

быть может всех ничтожней он»). Но поэту дано за повседневностью жизни «провидеть» глубину, для этого нужна огромная сосредоточенность, вдохновение, «потому, что вскрытие духовной глубины так же трудно, как акт рождения». В приведенном Блоком в подтверждении своей мысли пушкинском определении вдохновения нет ничего общего с теорией чистого искусства: «...вдохновение — есть расположение души к живейшему приятно впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных».⁴³

«Тайная свобода», о которой говорил Пушкин, отнюдь не понимается Блоком как свобода от жизни. «Мы знаем, что он (Пушкин — В. Г.) требовал «иной», «тайной свободы». По нашему, она «личная», но для поэта это не только личная свобода... а гораздо большая».⁴⁴

И как это не кажется парадоксальным, читая речь о Пушкине, в которой Блок говорит так много о необходимости одиночества для поэта, приобщающего к «безначальной стихии», укрываясь в мысли, что не только влияние Стриндберга и Ибсена, но и Пушкина и, может быть, больше всего Пушкина, ибо любовь к нему поэт пронесит через всю жизнь, помогли укрепиться в творчестве Блока волевому, действительному началу. Мысль эта возникает раньше. Еще в 1908 году в статье «Вопросы, вопросы и вопросы» Блок писал: «Может быть, для того, чтобы поставить крест на «интеллигентской жвачке», чтобы стать самим действующим лицом трагедии России, нужен уже обращаться не к «сознанию», а к «воле». Нужно, потому что иначе, может быть, не стереть «недоступной черты», и пропасть между станами интеллигенции и народа непроходима. Что действительно: «меч или слово?» — спрашиваем мы опять, вослед за Пушкиным».⁴⁵

Чем дальше, тем все чаще и чаще рядом с сомнениями и отчаянием возникает и крепнет у Блока мысль о том, что мир прекрасный «в тайне» должен стать прекрасным в яве и поэт должен быть не созерцателем, а участником этого превращения. Эта мысль — итог драматических размышлений о поэте и жизни в «Прологе» к поэме «Возмездие». Здесь появляется не только образ разящего меча, но и образ поэта, активно вмешивающегося в жизнь, помогающего появиться «новой породе».

Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб, каменья!

⁴³ А. Блок, Сочинения в 12-х т.т., стр. 350.

⁴⁴ А. Блок, Сочинения в 12-х т.т., стр. 353.

⁴⁵ А. Блок, т. V, стр. 334.

Эта мысль находит свое логическое завершение и в последнем слове о Пушкине: «... мы занимаем какое-то место в мировой культуре и сами способствуем образованию новых пород».⁴⁶ Не укрепись это волевое активное начало в творчестве Блока, возможно не было бы ни «Возмездия», ни «Двенадцати», ни «Скифов».

⁴⁶ А. Блок, Сочин. в 2-х т.т., т. 2-й, стр. 352.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ имени С. М. КИРОВА
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ
1962